

Перед отречением от престола государь написал указ об увольнении в отставку прежнего состава Совета министров и о назначении председателем Совета министров князя Львова.

Приказом по армии и флоту и указом правительствующему сенату Верховным главнокомандующим государь назначил великого князя Николая Николаевича.

Все это с курьером было послано в Ставку для немедленного опубликования.

Примечание. Лукомский писал свои воспоминания по памяти и затем сам же на основании материалов, перепечатаваемых в нашем издании, внес исправления. Самое главное вот в чем. В ночь с 1 на 2 марта Рузский убедил царя дать ответственное министерство. В разговоре по прямому проводу с Родзянко от 3 до 7 утра 2 марта Рузский узнал, что ответственное министерство никого уже не удовлетворит и только отречение может дать выход. В 10 час. утра 2 марта Рузский начал убеждать царя пойти на отречение, опираясь на мнение и предложение Алексеева. К двум часам дня были получены ответы главнокомандующих.— *Ред.*

ПРИНЯТИЕ НИКОЛАЕМ II РЕШЕНИЯ ОБ ОТРЕЧЕНИИ ОТ ПРЕСТОЛА

...За обедом у себя Рузский сказал двум генералам: «Я вижу, что государь мне не верит. Сейчас после обеда поедем к нему втроем, пускай он, помимо меня, еще выслушает вас».

Приехали на вокзал около двух с половиной часов дня 1 марта, и все трое немедленно были приняты государем в салон-вагоне столовой императорского поезда. Кроме государя и их, никого не было, и все двери были закрыты плотно.

Государь сначала стоял, потом сел и предложил всем сесть, а оба генерала все время стояли навтыжку. Государь курил и предложил курить остальным. Рузский курил, а генералы не курили, несмотря на повторное предложение государя.

Рузский предложил сначала для прочтения государю полученные телеграммы, а затем обрисовал обстановку, сказав, что для спасения России, династии сейчас выход один: отречение его от престола в пользу наследника. Государь ответил: «Но я не знаю, хочет ли этого вся Россия». Рузский доложил: «Ваше величество, заниматься сейчас анкетой обстановка не представляет возможности, но события несутся с такой быстротой и так ухудшают положение, что всякое промедление грозит непоправимыми бедствиями. Я вас прошу выслушать мнение моих помощников, они оба в высшей степени самостоятельные и притом прямые люди». Это последнее предложение с некоторыми вариациями Рузский повторил один или два раза. Государь повернулся к генералам и, смотря на них, заявил: «Хорошо, но только я прошу откровенного мнения». Все очень сильно волновались. Государь и Рузский очень много курили. Несмотря на сильное волнение, государь отлично владел собою. Первый говорил генерал Ю. Н. Данилов о том, что государь не может сомневаться в его верноподанных чувствах (государь его знал хорошо), но выше

всего долг перед Родиной и желание спасти Отечество от позора, приняв унижительные предложения от желающего нас покорить ужасного врага, и сохранить династию, он не видит другого выхода из создавшегося тяжкого положения, кроме принятия предложения Государственной думы.

Государь, обратясь к генералу Саввичу, спросил: «А вы такого же мнения?»

Генерал этот страшно волновался. Приступ рыданий сдавливал его горло. Он ответил:

«Ваше императорское величество, вы меня не знаете, но вы слышали обо мне отзывы от человека, которому вы верили».

Государь: «Кто это?»

Генерал: «Я говорю о генерале Дедюлине».

Государь: «О, да».

Генерал чувствовал, что он не в силах больше говорить, так как сейчас разрыдается, поэтому он поспешил кончить: «Я человек прямой и поэтому я вполне присоединюсь к тому, что сказал генерал Данилов».

Наступило общее молчание, длившееся одну-две минуты.

Государь сказал: «Я решил. Я отказываюсь от престола» — и перекрестился. Перекрестились генералы.

Обратясь к Рузскому, государь сказал: «Благодарю вас за доблестную и верную службу» — и поцеловал его. Затем государь ушел к себе в вагон. Вошел дворцовый комендант, генерал-майор Воейков, которого присутствовавшие считали одним из главных виновников переживаемой катастрофы.

На вопросы Воейкова генералы отвечали неохотно и недружелюбно. Рузский очень небрежно напомнил Воейкову, как в Петрограде его «Куваку» употребляли в качестве шумих против конной полиции.

Затем вошел министр граф Фредерикс. Воейков сейчас же вышел. Фредерикс был страшно расстроен. Он заявил, что государь ему передал свой разговор с присутствующими и спросил его мнение, но раньше, чем ответить на такой ужасный вопрос, он, Фредерикс, хочет выслушать присутствующих.

Фредериксу повторили то, что было сказано государю. Старик был страшно подавлен и сказал: «Никогда не ожидал, что доживу до такого ужасного конца. Вот что бывает, когда переживешь самого себя».

Здесь же был обсужден вопрос о назначении великого князя Николая Николаевича Верховным главнокомандующим. Это мнение было единогласное. На вопрос Фреде-

рикса, как оформить детали, связанные с актом отречения, ему ответили, что присутствующие в этом не компетентны, что лучше всего государю ехать в Царское Село и там все оформить со сведущими лицами. Фредерикс с этим согласился.

В это время была получена телеграмма, что из Петрограда в Псков к государю выехали член Государственного совета А. И. Гучков и член Государственной думы В. В. Шульгин.

Вошел государь и вынес собственноручно написанную им телеграмму к Родзянко о том, что нет той жертвы, которую он не принес бы на благо родной матушки России, что для ее блага он отказывается от престола в пользу своего сына с тем, чтобы он до совершеннолетия оставался при нем. Государю было доложено Фредериксом о назначении Верховным главнокомандующим великого князя Николая Николаевича, на что государь охотно согласился. Затем государь снова ушел писать телеграмму в Ставку Алексею о назначении Верховного главнокомандующего и о своем отречении. По уходе государя было обращено внимание Фредерикса на то, что в телеграмме на имя Родзянко государь ничего не упомянул о великом князе Михаиле Александровиче. Рузский написал на клочке бумаги, как необходимо дополнить телеграмму, и передал это Фредериксу, который понес государю. Государь, вынося дополненную телеграмму Родзянко и телеграмму Алексею, заявил, что он дождется в Пскове Гучкова и Шульгина. Затем он распрощался с присутствующими, поблагодарив генералов за откровенный ответ. Это было в 3 часа 45 минут дня.

Ввиду ожидавшегося прибытия Гучкова и Шульгина Рузский решил не отправлять телеграмм государя до их приезда.

Через 20 минут государь потребовал эти телеграммы к себе. Рузский лично понес их и уговорил государя оставить их у него (Рузского), дав слово не отправлять их до выяснения цели прибытия Гучкова и Шульгина.